

В.Н. Монахов

Право и библиотеки: грани сопряжения

[Модернизация библиотечно-информационного обслуживания населения города Москвы. М.: ГУК г. Москвы «Центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова», 2009. С.73–110]

Еще неполных два десятка лет тому назад деятельность библиотек не вызывала особых правовых вопросов. Читатель приходил – брал книги, по прочтении сдавал, получал для чтения другие. Если не возвращал, включался простой и понятный юридический механизм возврата имущества из чужого незаконного владения. Собственно этим сопряжение права, библиотек и их пользователей по большому счету и ограничивалось.

В XXI веке правовое поле, определяющее рамки правомерности деятельности библиотек, как, впрочем, и многих иных учреждений науки, культуры и образования, зримо расширяется. В частности, количество правовых норм, которые, на первый, поверхностный взгляд, даже трудно заподозрить в какой-либо связи с библиотечной деятельностью, но в действительности непосредственно ее затрагивающих, увеличивается с каждым годом. В определенной зависимости с этим возрастает и количество проблем, возникающих в ходе библиотечной деятельности и имеющих правовые параметры своего разрешения. К сожалению, эти параметры отнюдь не всегда достаточно четко и понятно для библиотечных работников сформулированы и разъяснены.

Выявлению, анализу и в необходимой мере разъяснению некоторых из проблемных граней сопряжения права и библиотечной деятельности и посвящена настоящая статья.

Роль первой скрипки...

На сегодняшний день первую скрипку в оркестре имеющихся граней сопряжения библиотек и права, безусловно, играет *авторское право*. Прошедшее двадцатилетие, принесшее с собой бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, породившее, среди прочего, новую электронную, цифровую среду обитания библиотечных фондов и осуществления библиотечного дела внесло существенные коррективы в нашу жизнь и в этой ее ипостаси.

В 1995 году на всю страну (в интервью «ЛГ») прозвучала точка зрения знаменитого писателя Владимира Войновича о том, что в наши дни качества *врага писателя* зримо приобретает не что иное, как *Интернет*. И хотя сегодня он уже так не считает, но на смену ему в писательской среде появились новые, не менее именитые представители близкой точки зрения.

Осенью 2008 года в ходе обсуждения в парламенте поправки депутатов С. Журовой, Г. Ивлиева, О. Морозова, З. Степановой, А. Тягунова в ст. 18 ФЗ «О библиотечном деле», предусматривающей возможность для трех национальных библиотек России оцифровку книг по истечении двух лет с момента получения ими обязательного экземпляра *без получения на это согласия авторов и без выплаты авторского вознаграждения*, стало известно о коллективном письме¹ ряда известных российских писателей (Аркадий Арканов, Борис Васильев, Полина Дашкова, Евгений Евтушенко, Сергей Лукьяненко, Борис Стругацкий, Людмила Улицкая) президенту России. Они выразили в нем свои опасения по поводу того, что результатом такого рода законодательной новации станет

расширение возможностей несанкционированного распространения электронных копий книг в Интернете².

Среди прочего, писатели опасались, что государство в лице трех национальных библиотек, не сможет обеспечить сохранность их произведений в цифровом формате. Они полагали, что практически неизбежно произойдет «утечка» этих произведений в Сеть, где они станут добычей интернет-пиратов. Нельзя не признать, что фактические основания для такого рода опасений окружающая нас действительность достаточно щедро предоставляет. До сих пор процветает практика широкого распространения посредством отечественного черного и серого рынка цифрового контента (баз данных, содержащих разнообразную, в том числе и весьма *чувствительную* информацию ограниченного доступа) без требуемого Федеральным законом (статьи 16, 17 ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», 2006 г.) соблюдения конфиденциальности.

Так, только в год принятия указанного закона стало известно о появлении на черном рынке информации в свободной продаже баз данных на *20 млн. россиян*. Из них 4 млн были заемщиками крупнейших российских банков. Соответствующая база данных содержала подробные сведения о просрочках и неплатежах по банковским кредитам, а также отказах в их выдаче с указанием причин³.

А еще более 16 млн. единиц учета составила также достаточно свободно продаваемая «расширенная профессиональная версия паспортной базы данных по физическим лицам Москвы»⁴.

Адресат писательского обращения, по всей видимости, мнение именитых авторов письма без внимания не оставил. Во всяком случае, последний абзац принятой парламентом и ставшей нормой действующего ФЗ «О библиотечном деле» поправки вернул ситуацию в зону действия IV части Гражданского кодекса РФ и определил, что оцифровка может и даже должна осуществляться, но *только по договоренности с автором*⁵.

Разумеется, подобные опасения авторов-творцов, при всем к ним уважении, остановить информационно-коммуникационный прогресс не могут. В современном *электронном* государстве, населенном электронными гражданами, где существенная часть управления постепенно, но неотвратно переходит в руки *электронного правительства*, просто не могло не появиться *электронной библиотеки* (ЭБ). Она и появилась. Вначале за пределами родного Отечества, а затем и в его границах⁶. Однако легкой жизни новорожденному субъекту электронного документного пространства страны и мира – электрон нон библиотеке – суждено не было, так что свое место под солнцем Информации и Знания ей приходится завоевывать до сих пор.

Завоеванные плацдармы постепенно обретают соответствующее правовое обустройство, в том числе и в федеральных законах. Причем результаты этого обустройства отнюдь не всегда становятся известными широким кругам общественности, как говорится, в оперативном режиме.

К примеру, такое важное для наших дней право автора «*сообщать произведение для всеобщего сведения таким образом, при котором любое лицо может иметь доступ к нему в интерактивном режиме из любого места и в любое время по своему выбору*», кратко интерпретируемое как *интернет-право автора* к и переводе юридического языка означающее *право автора обнародовать свое произведение в мировой Сети*, свое законодательное закрепление получило отнюдь не с 1 января 2008 года и не в IV части ГК РФ, как это кое-кто до сих пор считает.

Это право, в формате нормы абзаца одиннадцатого пункта 2 статьи 16 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», введенной Федеральным законом от 20.07.2004 № 72-ФЗ, обрело юридическую силу уже с 1 сентября 2006 года⁷.

Важно подчеркнуть, что в жизнь это право автора вступило в паре с корреспондировавшей ему обязанностью владельцев того или иного электронного ресурса *заключать письменный договор с автором и/или правообладателем на размещение авторских произведений на этих ресурсах. Кстати говоря, и другая не менее значимая обязанность библиотек о предоставлении пользователям электронных версий произведений «во временное безвозмездное пользование только в помещениях библиотек при условии исключения возможности создать копии этих произведений в цифровой форме»*, в формате нормы пункта 2 статьи 19 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», обрела юридически обязательный характер также с 1 сентября 2006 года.

В этом смысловом и законодательном контексте и у создателей, и у владельцев, да и у пользователей разнообразных электронных ресурсов стало появляться много различных вопросов и даже проблемы, за разрешением которых они все чаще вынуждены обращаться к праву, норме закона, решению суда.

К сожалению, до сих пор конкретные результаты таких обращений для их авторов, мягко говоря, не всегда удовлетворительны. И это характерно не только для нашей страны. Дело в том, что правовое регулирование общественных отношений, связанных с нарастанием (подчас в геометрической прогрессии) объемов разнообразной информации и знаний, хранящихся в электронном (в том числе цифровом) формате как в России, так и практически во всем мире, пока еще достаточно далеко от совершенства. Вместе с тем, это активно развивающийся сегмент мирового и отечественного правоустановления и правоприменения. Именно сейчас в этой области определяется надлежащий вектор развития в целях формирования оптимальной системы правового регулирования, которая бы в равной степени справедливо и эффективно защищала частные интересы субъектов создания и функционирования электронных ресурсов, пользователей соответствующих услуг и более широкие интересы постиндустриального развития личности, общества, бизнеса и государства. Поиск этого вектора идет повсеместно и на разных направлениях. Прежде всего, *в сфере правоустановления...*

На этом направлении, применительно к отечественному правовому пространству, первой ласточкой явились уже упомянутые изменения в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах», внесенные Федеральным законом от 20 июля 2004 года № 72-ФЗ.

С 1 января 2008 года соответствующие общественные отношения получили новую, более высокую правовую форму регуляции. Теперь это – IV часть Гражданского кодекса Российской Федерации. Вобрав в себя практически все нормы национального права интеллектуальной собственности, IV часть ГК РФ серьезно претендует на роль своеобразной *конституции прав интеллектуальной собственности*, базового закона, определяющего погоду в авторских и смежных с ними правоотношениях на территории РФ, адаптирующего законодательные нормы XX века к цифровой, виртуальной среде своего применения в веке XXI⁸.

В США в этом смысловом ряду первопроходцем стал ныне широко известный и у нас закон от 28 октября 1998 года Digital Millennium Copyright Act (DMCA) «Об авторском праве в тысячелетие цифровой информации»⁹. Российскую известность этот закон приобрел во многом потому, что *первым обвиняемым в нарушении норм этого закона* в 2001 году стал наш соотечественник, московский программист *Дмитрий Складов*.

В рамках возбужденного против него уголовного дела USA W. Sklyarov (July 7, 2001) ему инкриминировалось распространение по предварительному сговору технологии, изначально предназначенной для обхода технологии, защищающей права владельца авторского права, а именно – издательской компании Adobe¹⁰.

Та технология, которую достаточно легко «обошел» наш программист и «обход» которой он блестяще продемонстрировал в ходе своего доклада на научной конференции в США (после обнаружения которого он и был лишен свободы сотрудниками ФБР), представляла собой программные защитные механизмы, позволяющие правообладателю (в данном случае продавцу электронных книг) препятствовать различным нежелательным с точки зрения *продавца* действиям с этими книгами лицам, приобретшим их в свою собственность.

В частности, получила огласку история с выпущенной этой компанией электронной версией «Алисы в Стране чудес», содержащей запрет копировать любые куски текста, распечатывать его, давать его почитать кому-либо и даже зачитывать купленную книгу вслух. Именно так и было написано на обложке этой книги: «This book cannot be read aloud» – «Эта книга не может быть прочитана вслух».

Помимо DMCA в рамках нашей темы нельзя обойти вниманием пока еще обсуждаемый в США законопроект Consumers, Schools and Libraries Digital Rights Management Act – «Об урегулировании цифровых прав потребителей, школ и библиотек».

Аналогичные усилия предпринимаются и в *судебно-правовая сегменте национальных правовых систем*. В этой связи можем вспомнить волну судебных разбирательств по поводу деятельности ряда бесплатных для своих пользователей ЭБ (www.lib.ru, www.edu-all.ru и др.), прокатившуюся по России осенью 2004 года. Организаторами стали частные бизнес-структуры, осваивавшие российский рынок платных услуг электронных библиотек. Инцидент, к счастью, не стал для этих ЭБ девятым валом, в том числе и по причине выработки и действенного включения в процесс рядом социально ориентированных владельцев электронных ресурсов достаточно энергичных и профессионально выверенных юридических мер противодействия¹¹.

Кстати говоря (вот она реальность глобального информационного общества), на другом берегу Атлантического океана, годом позже, но по инициативе, по сути, такого же, как в России, частного бизнес-интереса против известной интернет-корпорации Google также была инициирована волна судебных разбирательств. В вину Google ставился активно реализуемый с 2004 года проект воссоздания знаменитой «Александрейки» в новой электронной ипостаси. В рамках этого проекта корпорация Google заключила соглашения с Нью-Йоркской публичной библиотекой, библиотеками Гарвардского, Стэнфордского, Мичиганского и Оксфордского университетов.

По условиям этих соглашений книги из этих библиотек стали доступны для любого пользователя Сети через поисковые системы Google. Особо подчеркнем, что эта работа осуществлялась с учетом требований норм авторского права. Так, Нью-Йоркская публичная библиотека предоставила к оцифровке только часть книг – те, на которые уже истекли авторские права, Оксфорд – книги, изданные до 1901 года, Гарвард – всего около 40 тыс. томов (не обремененных авторскими правами) из своего 15-миллионного собрания.

Истинную суть судебного иска пяти крупнейших американских книжных издательств, требовавших выдать судебный приказ на запрет осуществляемой Google оцифровки книг

для свободного доступа к ним в Сети, хорошо выразил функционер Американской ассоциации издателей П. Шредер: «Если разрешить Google сканировать книги, то это сможет делать кто угодно». Иными словами, чтобы неповадно было никому, мы должны пресечь идею Google – пусть и благородную – в самом ее зародыше.

К счастью, несмотря на судебное давление книгоиздателей, Google с ноября 2005 года активно эксплуатирует свою поисково-библиотечную службу print.google.com. Благодаря ей всем пользователям Сети стали доступны оцифрованные тексты тысяч книг из указанных библиотек, с возможностью полнотекстового поиска по этим книгам.

Роль интеллектуальных прав в ставке на инновационный разворот России

Чтобы лучше понять, почему именно правам интеллектуальной собственности, в том числе авторскому праву, в наши дни принадлежит пальма первенства в правовом пространстве деятельности отечественных библиотек, прежде стоит разобраться с вопросом – что же собой представляет эта отрасль права и какую роль она призвана играть в жизни библиотек.

Сразу же отмечу, что отношение к авторскому праву практически с самого момента его появления не было простым и линейным. Как образно заметил в свое время один из виднейших цивилистов России конца XIX – начала XX века профессор Г. Ф. Шершеневич: «С тех пор, как положительные законодательства приняли это злополучное право (на результаты творчества) под свою защиту, оно носится по горизонту науки без всякого определенного назначения... подобно птице, высматривающей место, куда ей удобнее было бы спуститься»¹².

В современной трактовке «права на результаты творчества», в том числе и авторское право, понимаются в качестве *инструмента обогащения культурного, социального и экономического развития нации посредством правовой защиты личного признания и экономического стимулирования творца, автора.*

Права интеллектуальной собственности – это, если использовать аналогию с математикой, отнюдь не ее первый этаж, именуемый *арифметикой*, а гораздо более высокие этажи, те, что называют *высшей математикой*. Иными словами, это права высшей пробы и, соответственно, очень сложные права, как для их понимания, так и для реализации.

Отвечая на вопрос, что такое авторское право и\или право интеллектуальной собственности, никак не обойтись без определенной философии проблемы, без определенного предисловия к ее конкретике...

Начнем с того, что реальный для нашей страны *шанс выхода* из разворачивающегося вширь и вглубь мирового финансового и экономического кризиса заключается в *ставке на инновационный разворот* от преимущественного сырьевого характера нашей экономики к тому ее состоянию, которое в теории именуется *экономикой, основанной на информации и знаниях*.

Столь же инновационный характер предполагается и для нашего посткризисного развития, что, соответственно, требует принятия вполне определенных мер.

В частности, известная Стратегия развития России до 2020 года¹³ свой несущий тезис о переходе от сырьевой экономики к инновационной строит на главенствующей роли в

процессе этого перехода отнюдь не финансового или какого-нибудь иного капитала, а именно *«человеческого капитала»* .

В этом контексте вопрос о необходимой степени включенности, социальной потребности соучастия в этих процессах отечественных библиотек, несомненно, следует считать риторическим, поскольку ясен и однозначен ответ на него. Ведь предоставление своим читателям-пользователям именно такого рода ресурсов – *информации и знаний*, участие в формировании *«человеческого капитала»* являются, говоря высоким слогом, важнейшими элементами *миссии* библиотек.

Однако при этом не стоит забывать, что библиотеки отнюдь не монополисты в выполнении этих элементов своей миссии. Открывая Тунисский этап Всемирного саммита по информационному обществу (2005 г.) тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, назвав ресурсы *информации и знаний* «мостами в лучшую жизнь», призвал *все заинтересованные стороны* проявить волю к тому, чтобы они стали «доступными для всех». «Без открытости, без права на поиск, получение и обмен информацией и идеями с помощью любых средств их распространения и независимо от границ информационная революция не состоится, а информационное общество, которое мы надеемся создать, окажется мертворожденным», – подытожил он в своем вступительном слове¹⁴.

Полагаю, что в этом контексте современную целевую установку *миссии* библиотек необходимо представлять и позиционировать следующей метафорической максимой: *библиотека чем дальше, тем в большей степени должна превращаться из склада прошлого в лабораторию или фабрику по производству будущего*. Только тогда и именно в этом качестве – что принципиально важно уже для библиотечного сообщества – у библиотеки появляется твердый шанс обрести будущее и для себя!

Вместе с тем, реализация этого шанса – процесс отнюдь не автоматический, за этот шанс еще предстоит побороться. В том числе на поле интеллектуальных прав вообще и авторских прав в частности. Главным содержанием этой борьбы будет являться трудный процесс формирования ответа на почти гамлетовский вопрос: как гармонично соединить *общественный интерес* в общедоступности библиотечных услуг, носителями и защитниками которого являются библиотеки и библиотекари, и *частный интерес* авторов и правообладателей в получении надлежащих дивидендов от имеющихся у них интеллектуальных прав?!

Дополнительную остроту и актуальность эта дилемма приобретает с появлением и развитием цифрового формата осуществления библиотечных ресурсов и услуг, который принес с собой принципиально новые вызовы. Ответы на них нам, в данном случае человечеству в целом, – еще только предстоит формировать и формулировать.

Отсюда, в свою очередь, вытекает очень важный для обсуждаемого сейчас аспекта темы тезис о том, что в наше время общественные отношения в связи и по поводу интеллектуальной собственности приобретают все более системообразующий характер. По многим признакам в наступившем тысячелетии именно *интеллектуальная собственность* будет господствовать над *материальными, «вещными» формами собственности*, чей золотой век остался в первых двух тысячелетиях христианской цивилизации.

Закрепив в своем сознании этот тезис, перейдем к вопросу о том, какую социальную миссию выполняют библиотекари. Видимо, многие согласятся с тем, что во всем мире целью и содержанием деятельности библиотечарей является обеспечение

беспрепятственного доступа как можно большего количества людей, пользователей, читателей *к максимально возможному* в данных исторических условиях количеству информации и знаний. Думаю, что для краткого описания *библиотечного дела в его идеале* можно использовать следующую двухэтапную формулу: на первом этапе – сбор *всей информации и знаний* в своих фондах и на втором – работа над тем, чтобы *все собранное* стало общедоступным.

Однако в ходе достижения этого идеала мы непременно столкнемся с тем, что в реальности каждый участник общественных отношений озабочен прежде всего своими интересами. В том числе и те из них, трудами которых производится та информация и те знания, которые библиотека хотела бы аккумулировать в своих фондах для общедоступного пользования.

На юридическом языке эти субъекты именуются *авторами*. Именно они, по преимуществу, и рождают, как говорится, в поте лица своего, нередко в ущерб материальным нуждам, как своих лично, так и своих семей, потребные обществу информацию и знания, накапливаемые в библиотеках. Эти ресурсы, заметим, появляются в их стенах отнюдь не автоматически, не сами по себе.

Для того чтобы они там оказались в необходимом и достаточном количестве, каждая страна и человечество в целом должны постоянно заботиться о формировании надлежащего, адекватного данному историческому времени *организационно-правового механизма*, обеспечивающего решение этой отнюдь не простой проблемы. Причем в ходе конструирования такого механизма мы должны помнить, что социально желаемая максимизация предоставления информации и знаний *всем и каждому* не может быть реализованной, если ее непременным условием будет являться *коммерческая оплата всеми пользователями* предоставляемых библиотеками информации и знаний.

Так что, правовой институт, который называется *авторское право*, человечество придумало как некую вынужденную меру, целевой установкой которой является посылить возможное примирение, гармонизация *частного интереса* авторов в получении определенной материальной компенсации за свои труды по созданию того или иного результата интеллектуальной деятельности и *общественного интереса* в максимизации распространения этого результата.

Кстати, придумано по историческим меркам не так уж и давно. Скажем, на заре становления современного европейского права, в Древнем Риме, максимум на что мог претендовать автор, – на лавровый венок. Только к середине XVII века наиболее промышленно развитая страна Европы того времени – Англия созрела для регулирования авторских и издательских отношений в формате закона. Россия, естественно, много позже.

Первым российским законодательным актом, регламентирующим вопросы авторского права, стал Цензурный устав от 22 апреля 1828 года, который содержит специальную главу «О сочинителях и издателях книг». В соответствии с ее нормами сочинитель или переводчик книги имели *«исключительное право пользоваться всю жизнь своим изданием и продажей оно по своему усмотрению как имуществом благоприобретенным»* .

Впрочем, и до появления этого нормативного акта на Руси авторов старались тем или иным образом отблагодарить. Например, таким образом, который представлен в приказе главного директора Императорских театров А. А. Нарышкина от 15 апреля 1803 года: «Господину генерал-майору Титову за сочинение им музыки для мелодрам Андромеда и Персей, Цирцея и Улисс и для драмы Суд царя Соломона предлагаю конторе дать ложу в

каменном театре в третьем этаже, на пятьдесят русских и французских спектаклей бесплатно». Выражаясь современным языком, это интеллектуальный *бартер*. Тот самый, который не столь давно *господствовал* в нашей экономике, а сегодня, как некое олицетворение кризиса, потихоньку в нее возвращается¹⁵.

Сегодня не будет лишним правильно расставить принципиальные акценты. Дело в том, что в ходе своей основной деятельности, будучи по нашему отечественному законодательству «некоммерческим учреждением», библиотека обязана защищать, прежде всего, познавательные интересы своих читателей-пользователей. Естественно, не забывая при этом и про авторские права, особенно про их личную неимущественную половину. Иными словами, в библиотечной деятельности акцент должен делаться не на защиту авторских прав (для этого есть другие институциональные ресурсы и правовые формы), а на содействие их *соблюдению*, что, естественно, означает существенно иной подход к проблеме, в том числе и к ее принципиальному идеологическому обоснованию.

Главные *правовые составляющие* такого *подхода* – эффективное использование тех в целом немалых правомочий, которыми наделены наши библиотеки.

Так, закрепленный нормой статьи 1229 «Исключительное право» IV части ГК РФ жесткий постулат о том, что какие-либо «другие лица не могут использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности *без согласия правообладателя*», предусматривает определенные *исключения*, которые (запомним это!) *легитимны только при их закреплении в какой-либо норме ГК РФ*.

Использование результата интеллектуальной деятельности (в том числе способами, предусмотренными нормами ГК РФ), если *такое использование осуществляется без согласия правообладателя*, опять же по общему правилу *является незаконным и влечет ответственность*, установленную ГК РФ, другими законами. Однако и здесь возможны *закрепленные нормами ГК РФ исключения*, формат которых позволяет использование результата интеллектуальной деятельности лицами иными, чем правообладатель, *без его согласия*.

В этом законодательном контексте следует запомнить главное. Существующие жесткие *общие правила* о запрете использования любых результатов интеллектуальной деятельности (в том числе и авторских произведений) *без согласия правообладателя* имеют ряд исключений. И некоторые из них, вот оно – главное, – предусмотрены *именно для библиотек*.

Их дальнейшее развитие и конкретизация – функция *правил пользования библиотеками*, иных локальных нормативных актов библиотек, которые, кстати говоря, уже должны быть приведены в соответствие с последними изменениями в отечественном законодательстве. В том числе с требованиями норм IV части ГК РФ и, в особенности, норм пункта 2 статьи 1274 IV части ГК РФ.

Неплохим ориентиром в такого рода *правотворческой деятельности отечественных библиотек* является соответствующий опыт наших национальных библиотек. Так, в РГБ («Ленинка») приказом ее директора № 25 от 04.02.2008 утверждены новые Правила по предоставлению услуг по копированию (в т.ч. микрокопированию) и сканированию в РГБ. Директор ФГУ «Российская национальная библиотека» 10 января 2008 года утвердил целый комплекс нормативных документов «Использование документов из фондов РНБ путем воспроизведения (копирования, репродуцирования)». И тот и другой документы размещены в свободном доступе на сайтах этих библиотек.

Резюмируя данный аспект темы, следует еще раз подчеркнуть, что *основным предметом заботы* для библиотечной деятельности должен быть вопрос обеспечения *общественного интереса* в максимизации распространения накопленных в библиотечных фондах результатов творческой интеллектуальной деятельности. Ведь именно *доступ к информации и знанию* является высшим смыслом того, что делают библиотеки.

Однако вновь оговоримся, в ходе реализации этой высокой миссии они не должны забывать про наличие в своих фондах произведений, отягощенных разнообразными правами интеллектуальной собственности. Каким именно образом гармонизировать зачастую весьма противоречивые интересы – это вопрос вопросов. Тот самый «крепкий орешек проблемы», который достаточно удачно расколоть пока не удалось никому на планете.

Соответствующие попытки, естественно, предпринимались. Скажем, если во главу угла оценки такого рода попыток поставить интересы именно *библиотечной деятельности*, то по этому критерию самый лучший на сегодняшний день вариант разрешения этой мировой проблемы в форме разработанного и уже более полувека действующего *организационно-правового механизма* предложен скандинавами. В нашей литературе этот механизм получил название *право общественной выдачи (ПОВ)* или *право публичного абонементов (ППА)*.

В формате этого механизма, путем формирования определенной системы коллективного управления авторскими правами формируется фонд компенсационных выплат авторам за тот ущерб (именно так это официально именуется в государствах, реализующих эту систему), который наносит правообладателям деятельность библиотек как единственных социокультурных учреждений, предоставляющих своим пользователям экземпляры произведений во временное безвозмездное пользование. Материальную базу для таких выплат в основном обеспечивают государственные или местные бюджеты либо средства самих библиотек через различные схемы сбора и распределения денежных средств.

Впервые такой организационно-правовой механизм гармонизации прав авторов и библиотек сформировала и запустила в действие еще в 1946 году Дания.

Кстати, именно в этой стране еще в 1917 году на I Ежегодной конференции Библиотечной ассоциации Дании впервые в мире автор потребовал вознаграждение за выдачу в публичный абонемент своих книг. Естественно, что тогда библиотеки и издатели протестовали против этой идеи. Причем основным лейтмотивом тогдашних дебатов на эту тему был вопрос о том, является ли выдача библиотечных книг читателям полезной или вредной для автора. Основное предположение – выдача произведения в публичных библиотеках приводит к падению продаж – осталось недоказанным. Библиотеки являются основными покупателями опубликованных произведений, зачастую приобретая множество экземпляров. Эта практика позволяет читателям обнаружить новых авторов посредством целевого продвижения книг или в ходе случайных открытий, создавая основу для распространения произведения в масштабах всей страны.

Уровень платежей по системе ПОВ обычно невысок. Предусмотрена максимальная сумма, которую может получить отдельный автор. В то же время кумулятивный эффект может быть значительным. Так, в Дании платежи по ПОВ составляют 20 млн. евро в год, то есть около 5% расходов страны на публичные библиотеки. В Великобритании по итогам 2006 года платежи ПОВ составили 11 млн. евро. Во всех странах, за исключением Нидерландов, расходы на вознаграждение и администрирование системы ПОВ оплачиваются государством.

Постепенно система ПОВ обрела все более развернутое правовое регулирование. Так, в Норвегии в 1987 году принят специальный закон «*О правах авторов на компенсацию за предоставление библиотеками их работ широкой публике*». Существуют и международно-правовые акты на сей счет. Например, Директива Европейского союза 1992 года. Ее предписания обязали страны – участницы Евросоюза формировать подобного рода механизмы ППА *в обязательном порядке*. Однако следует признать, модель такого *организационно-правового механизма*, что называется, ни Европу, ни мир в целом не завоевала. Достаточную активность в развитии этой модели продемонстрировали лишь скандинавские государства.

Цифровая среда обитания библиотек и авторского права. Что меняется?

Есть старая и мудрая мысль о том, что *словами закона мы пытаемся разговаривать с будущим*. Если это так, то наши законодатели должны уметь увидеть в сегодняшнем состоянии общественных отношений зачатки, ростки тех явлений, которые формируют экономические и политические условия и тенденции развития в данной сфере на многие годы вперед.

В этом смысле качества некоего *глобального полигона, в виртуальном пространстве* которого мы можем моделировать и апробировать на социальную и личностную полезность, действенность и живучесть условия и тенденции мирового и национального развития правового, этического и иного регулирования общественных отношений, связанных с деятельностью библиотек, демонстрирует именно Интернет и ему подобные телекоммуникационные сети.

В 2005 году значимую политико-правовую позицию по использованию мировой Сети в библиотечном деле сформулировала ИФЛА¹⁶. В рамках этой позиции было отмечено, что во многих государствах публичные и образовательные библиотеки – главный, а зачастую и единственный источник бесплатного или приемлемого по цене доступа к сетевым ресурсам. В этой связи ИФЛА недвусмысленно высказалась «*...против принятия любых мер, направленных на контролирование свободного доступа к информации и свободы высказываний в пользу коммерческих, правительственных или частных интересов... Действия, необходимые для надлежащего функционирования Интернета... защиты прав интеллектуальной собственности и частной жизни, не должны использоваться для ограничения прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, особенно в ее 19-й статье*».

Значительную активность в указанной сфере проявляет и Европейский союз. О чем, среди прочего, свидетельствует принятие в 2001 году специальной Директивы об авторском праве (European Union copyright directive)¹⁷. Одна из ее важных правовых позиций заключается в том, что предусмотренные ею «исключения, принятые во благо определенных некоммерческих учреждений, таких как публичные библиотеки и аналогичные учреждения, не должны распространяться на такие формы использования, как доставка охраняемых произведений в режиме онлайн» (известный нам процесс под названием электронная доставка документов (ЭДД) по МБА).

Как сказано в Объяснительном меморандуме к Директиве, Европейская комиссия считает, что *любое иное решение проблемы* привело бы к конфликту с нормальной эксплуатацией охраняемого произведения в режиме онлайн и необоснованным образом ущемляло бы законные интересы правообладателей. Вместе с тем доставка охраняемых произведений в режиме онлайн все-таки возможна с опорой на норму ст. 5(3) (n) Директивы. В ней речь идет о том, что в данном случае *воспроизведение* осуществляется для особых целей, таких

как научные исследования или частное изучение. При этом важнейшим условием является то, что использование осуществляется только через определенные терминалы в помещении такого рода учреждений.

Директива Евросоюза 2001 года имела конечный срок для отражения ее положений в национальном законодательстве стран – членов ЕС – *22 декабря 2002 года*. Однако и по сей день этот процесс еще не завершен. В параллель с приведением национальных законодательных актов в соответствие с требованиями Директивы 2001 года в конце апреля 2007 года Европейский парламент одобрил нормы уже Второй директивы по борьбе с нарушениями в области интеллектуальной собственности (Second Intellectual Property Enforcement Directive, IPRED 2). Ее нормы более жесткие. Так, за нарушение авторских прав в «промышленных масштабах» и «пособничество» подобным нарушениям предусматривается наложение штрафа в размере 300 тыс. евро и до четырех лет тюремного заключения.

Если в интересующем нас сейчас аспекте обратиться к опыту *зарубежного национального законодательства*, то наиболее яркие примеры соответствующих электронному веку культуры правовых новаций демонстрирует *Норвегия*. В частности, в законах этой страны «Об обязательном экземпляре», «Об авторском праве» и «О персональных данных» предусмотрено, что вся общедоступная информация и цифровом формате должна сохраняться и предоставляться свободно в целях научных исследований и документоведения именно Национальной библиотекой Норвегии. Установлены следующие условия предоставления пользователям доступа к архиву сайтов норвежского сегмента мировой Сети:

- документы должны использоваться только в целях исследований и документоведения;
- для работы с персональными данными своих читателей-пользователей Национальная библиотека должна получить генеральную лицензию Норвежской инспекции по данным в соответствии с законом «О персональных данных»;
- пользователи должны осуществлять поиск в электронных ресурсах только с компьютеров Национальной библиотеки.

В дальнейшем планируется внести изменения в закон «Об авторском праве», закрепив *возможность удаленного доступа к электронным документам*. Национальная библиотека Норвегии в этом случае получит право посылать копии электронных документов по запросам удаленных пользователей, обслуживаемых в других библиотеках, но с условием последующего (после использования) уничтожения этих копий.

Изучается вопрос о доступе пользователей к электронным ресурсам с компьютеров не только Национальной библиотеки, но и университетов, иных публичных библиотек и с персональных компьютеров отдельных пользователей¹⁸.

Сходные положения предусматривает Закон Дании 2004 г «Об обязательном экземпляре»; электронный доступ к собираемым по этому закону материалам возможен только из помещений двух библиотек, получающих обязательные экземпляры Королевской библиотеки Дании и Государственной университетской библиотеки. Удаленным доступ через Сеть предоставляется только для научных исследований и если материал недоступен на коммерческих условиях¹⁹.

В ходе дискуссий, которые ведутся в мировом библиотечном сообществе, выдвигаются различные предложения, в числе которых – идея о том, что *назрели условия для разделения проблем авторского права в отношении научных и «развлекательных» работ*. Первые скорее связаны с моральными, а не экономическими аспектами. Научные исследования обычно поддерживаются публичным сектором, являются частью интеллектуального наследия и должны содействовать общественному благу, а не частным интересам, и потому их использование следует освободить от ограничений, налагаемых авторским правом²⁰.

С точки зрения некоторых весьма авторитетных специалистов международного уровня в мире для развивающихся стран складывается достаточно странная ситуация: появление Интернета не улучшило, а в некоторых случаях даже ухудшило их положение с доступом к информации. В качестве иллюстрации данного тезиса приводится такой пример. «В Найроби есть медицинская библиотека, известная во всей Африке. Прежде она обязательно получала до 700 журналов. Теперь же получает не более двух десятков специальных изданий. Почему? Причина в том, что специализированная периодика перестала высылаться в библиотеку, поскольку теперь существует Интернет, и можно пользоваться электронной версией текстов. Вроде бы удобно... Но если прежде публичная библиотека имела право делать копии ограниченного количества материалов для образовательных целей, то сейчас она не может этого делать. Мировое агентство авторских прав утверждает: если в публичной библиотеке есть компьютер и делается распечатка текстов, то эта распечатанная информация расценивается как издание. Следовательно, надо платить за авторские права»²¹.

Свою оценку сложившегося положения Г. Юшкявичюс завершает следующим разумным, позитивно ориентированным предложением: «Авторские права должны быть сформулированы таким образом, чтобы люди могли получать знания, пользоваться необходимой литературой в университетах, в публичных библиотеках. *Общественная библиотека всегда была местом, куда люди приезжали за знаниями. Так было и в XIX веке, когда приходилось преодолевать сотни и сотни километров, чтобы побывать в библиотеках Петербурга, Москвы, Лондона, Берлина*. В мемуарах известных писателей это прекрасно отражено. И сегодня публичные библиотеки должны вновь стать некими окнами в информационные магистрали, оставаться источником знаний»²².

Главная задача, которую еще только предстоит решить законодателям, состоит в том, чтобы найти разумный компромисс между интересами правообладателей и информационного общества в целом.

В ходе такого рода поисков все большее количество специалистов, как теоретиков, так и практиков, склоняется к мысли о том, что массовое использование новых информационных и коммуникационных технологий, принципиально меняющих существующие доселе способы создания, распространения и использования результатов интеллектуальной деятельности, объективно подталкивает мировое сообщество ко все более глубокой ревизии устоев классической авторско-правовой доктрины, к новому определению содержания и правовой природы таких определяющих концептов, как авторство и собственность.

В частности, возникает резонный и даже провидческий вопрос: «а может ли в этих принципиально новых условиях авторское право и дальше сохранять свою индивидуальность (identity) или *ему на смену должна будет прийти принципиально иная модель правового регулирования*, может быть, уже зарождающаяся ныне в недрах информационного права?»²³. Этот вопрос был публично поставлен уже в 1998 году²⁴.

Примерно с того же времени слишком однобоко ориентированная на частные интересы концепция интеллектуальной собственности постепенно стала терять свои позиции, трансформируясь во что-то более «невесомое», виртуальное и, соответственно, более сложное²⁵.

Как представляется, в наши дни взаимодействие двух мощнейших социальных систем – права и мировой Сети – уже не может исчерпываться чисто механическим пересечением их свойств. По многим признакам мировая Сеть зримо обретает черты планетарно значимого социально-технологического явления. На новом витке исторической спирали потенциал ее воздействия на действующую систему права сродни тому воздействию потенциалу, который в свое время, почти пять веков назад, для тогдашней системы права приобрел печатный станок Иоганна Гутенберга.

Как известно, самым существенным правовым результатом тогдашних технологических новаций стало появление мирового законодательства об авторском праве. Во времени, по отношению к изобретению печатного станка, это произошло с задержкой на целых *три века*, ибо лишь «девятнадцатый век стал свидетелем становления «универсального законодательства об авторском праве... [в] едином кодексе связавшем весь мир»²⁶.

Уверен, что разрешение проблем, привнесенных в теорию и практику права Интернетом, становление адекватной принципиально новым информационно-коммуникационным реалиям первой четверти XXI века *модели правового и этического регулирования* соответствующего круга общественных отношений произойдет много раньше *трехвекового разрыва*, характерного для предыдущего этапа общественного развития.

Вместе с тем следует совершенно отчетливо понимать, что такое ускорение течения исторического времени потребует для своего воплощения многих усилий (интеллектуальных, организационных и т. д.) и ресурсов (не в последнюю очередь – финансовых). Причем усилиями и ресурсами отдельных государств и обществ эту проблему не разрешить. Эта задача планетарного масштаба, и для ее решения нужна соответствующая мировая институциональная инфраструктура.

Необходимо искать и объединять реальные интеллектуальные силы в России, странах СНГ, США, Европе, способные обеспечить становление и развитие целой системы сбалансированности интересов авторов, правообладателей, общества и государства на разных, даже самых ранних, стадиях разработки политических, нормативных правовых и нормативно-этических решений в наших странах. Информационно-коммуникационную платформу такому объединению усилий и ресурсов нам уже реально обеспечивает мировая Сеть, в формате которой планета уже постепенно обретает черты той единой «мировой деревни», о которой писал известный гуру информационного общества М. Маклюэн²⁷.

В России уже в определенной степени сформировалась небольшая группа специалистов-правоведов, озабоченных как общей частью проблемы правового опосредования цифровизации результатов интеллектуальной деятельности, формирования «Открытого электронного контента», так и ее прикладными аспектами, в том числе применительно к библиотечной деятельности.

В настоящее время происходит начальный этап выработки предложений по *перезагрузке* наших институциональных и нормативных условий и требований к авторским и иным правам интеллектуальной собственности применительно к гуманитарной сфере (библиотеки, архивы, музеи, университеты и др.).

Нора, образно выражаясь, сверять часы и формировать дорожную карту сотрудничества с нашими зарубежными коллегами. Например, с той группой из двадцати европейских экспертов – представителей библиотек, архивов, музеев, исследовательских организаций и академий, что в рамках Европейской комиссии и Инициативы европейских цифровых библиотек (EDL) с марта 2006 года работает над формулированием организационно-правовых механизмов, направленных на то, чтобы европейское культурное и научное наследие стало максимально доступным для всех жителей стран Евросоюза.

Головная боль из-за скатерти-самобранки

Обычно при описании тех многогранных и объемных трансформаций, что принесло с собой появление мировой Сети, используется два следующих главных признака. Во-первых, то обстоятельство, что Сеть соединила в себе два разных аспекта коммуникации: межличностную и массовую, во-вторых, – Интернет позволяет интер текстуализировать, объединять информацию и знания из разнообразных источников, формируя новый результат интеллектуальной деятельности.

Кроме того, заслуживает внимания и учета то, что практически сразу после своего появления мировая *интернет-среда* превратилась в постоянную головную боль авторов и правообладателей, но, одновременно, и в сказочную скатерть-самобранку для его пользователей. Аналогия со *скатертью-самобранкой* объясняется тем, что с развитием информационно-коммуникационных технологий открылись принципиально новые возможности для повышения уровня жизни путем реализации разнообразных и все более эффективных способов доступа к интересующим произведениям, информации и знаниям практически вне зависимости от таких критически важных доньше ограничений, как время и пространство.

Что же касается *головной боли*, – то правообладателям ее приносит как легкость копирования, применения иных форм неконтролируемого воспроизведения и использования принадлежащих им результатов интеллектуальной деятельности, так и отсутствие у правообладателей реальной возможности осуществления действенного контроля использования этих результатов. В совокупности эти обстоятельства создают идеальные условия для массовых нарушений авторского и иных прав интеллектуальной собственности.

В условиях роста объема цифровой информации изменяются не только сами информационные потоки, но и способы выявления новой информации, ее сбора, индексации, классификации, хранения и предоставления пользователям. Вокруг этого формируются новые отрасли знаний, права, этики, экономики. Как уже отмечалось, перед человечеством во всей остроте и актуальности встает задача создания новой институциональной, правовой и этической инфраструктуры, которая обеспечивала бы решение новых проблем.

Обсуждение соответствующих доктринальных решений, поиск баланса противоречивых интересов идет по всему миру, а позитивные результаты этого поиска должны получать гармоничное правовое закрепление в адекватных и совместимых между собой международных и национальных нормативных правовых актах. Правовые позиции этих актов должны состоять из норм *золотой середины* и *баланса интересов их адресатов*.

Между тем, реальная практика показывает, что уже сейчас перевод библиотечных фондов в электронную форму для последующего хранения и использования *является* для библиотек крайне необходимым и перспективным делом.

Расширение свободного доступа к электронным фондам и ресурсам библиотек, архивов, музеев, несомненно, будет способствовать повышению интеллектуального уровня граждан, особенно подрастающих поколений, росту производства новых информационных продуктов и ресурсов, увеличению занятости. Все это прямо отвечает нашим национальным интересам и должно поддерживаться возможностями и усилиями государства, в том числе и на законодательном уровне.

Будем надеяться, что и дальнейшем в ходе совершенствования международного и национального законодательства будет, наконец, найден оптимальный баланс между интересами различных категорий правообладателей и пользователей услуг электронного контента.

В ходе поиска путей разрешения принципиального противоречия между *публично-правовыми* принципами деятельности библиотек, архивов, музеев, нацеленных на достижение общественного блага, и *частным правом* определенным смысловым ориентиром может служить подход, демонстрируемый принятыми в 2004 году ЮНЕСКО «Руководящими принципами в политике совершенствования государственной информации, являющейся общественным достоянием». Их основной тезис по данной проблеме таков: *«Государству необходимо очень точно установить баланс между предусмотренными законодательством об интеллектуальной собственности ограничениями на доступ и использование определенных видов информации, с одной стороны, и на права граждан в контексте более широкого понимания социальных и экономических интересов страны, с другой стороны»* .

Резюмируя сказанное по отношению к авторско-правовой грани сопряжения права и библиотечной деятельности, хочется отметить, что сейчас мы находимся в мейнстриме развития мировой информационно-коммуникационной революции и в определенном смысле на развилке истории. Как уже здесь говорилось, по многим признакам в текущем тысячелетии править бал будет именно *интеллектуальная собственность*. Именно ей уготована роль превалирования над материальными, «вещными» формами собственности, чей золотой век остался в первых двух тысячелетиях христианской цивилизации. Все это с неизбежностью ведет к радикальным подвижкам в менталитете, к существенному преобразованию организационных структур, характера человеческой деятельности и образа жизни.

От того, какой путь в развитии правовых регуляций отношений по поводу интеллектуальной собственности выберет наша страна, очень многое будет зависеть. Даже не столько для нас, сколько для наших потомков! Так что, надо вновь и вновь обращаться к поиску правильной дороги к современному храму информационной и Интеллектуальной справедливости, поиску более эффективных схем и рецептов общественного развития, а не слепо следовать в русле политики мировых корпораций и организаций.

Право на конфиденциальность

Среди иных граней сопряжения права и деятельности библиотек все больший удельный вес приобретает участие библиотек в обеспечении права читателей-пользователей на определенную конфиденциальность их персональных данных вообще и их информационных запросов в частности.

Дело в том, что вместе с очевидными преимуществами информационно-коммуникационный прогресс принес и угрозы неконтролируемого манипулирования

сведениями личного характера. В целях защиты прав и свобод граждан Европейское сообщество предприняло ряд защитных мер и закрепило их законодательно. Находясь в русле мировых тенденций, Россия в 2005 году ратифицировала Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, а годом позже приняла Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных».

Близкая по содержанию к вышеописанному опыту функционирования Национальной библиотеки Норвегии, применительно к ее работе с персональными данными своих читателей, проблематика постепенно обретает актуальность и для ряда отечественных библиотек. Существует уже и некий небезынересный отечественный опыт работы на этом абсолютно новом для наших библиотек поприще, в частности в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеке²⁸. Пилотный проект по данной тематике готовится к старту в ГПНТБ. ГИВЦ Минкультуры планирует начать разработку концепции защиты персональных данных в музеях и других учреждениях культуры.

В этой связи представляется весьма оправданным и своевременным включение Программным комитетом XVI Международной конференции «Крым – 2009» в повестку работы третьей сессии секции 10 «Публичный доступ к правовой и деловой информации. Проблемы авторского права, защиты интеллектуальной и имущественной собственности библиотек» доклада представителя ЗАО «Медианн – Решения» (Москва) А.М. Жданова «О защите персональных данных». Представленный доклад вызвал большой интерес участников конференции, особенно заявление о том, что ЗАО «Медианн – Решения» готово помочь библиотекам в решении возникающих у них проблем с соблюдением в библиотечной деятельности требований Федерального закона «О персональных данных».

К настоящему времени нормативная база, касающаяся вопросов защиты персональных данных в России, включает довольно обширный перечень законов, постановлений Правительства РФ и ведомственных документов, в соответствии с которыми все юридические и физические лица, хранящие и обрабатывающие персональные данные, *обязаны к 1 января 2010 года осуществить ряд мер по их защите*. Ознакомиться с полным перечнем действующего законодательства можно на сайте уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных (Роскомнадзор, www.rsoc.ru).

Необходимые меры по защите персональных данных организационно-распорядительного и технического характера различаются в зависимости от численности учитываемых субъектов персональных данных, состава этих данных и характеристик информационных систем, в которых персональные данные обрабатываются. После осуществления защиты систем обработки персональных данных предписывается оценить их соответствие законодательно установленным нормам. Для систем одного типа потребуется составить декларацию соответствия, системы другого типа требуется аттестовать (сертифицировать). Более подробно ознакомиться с необходимыми действиями по защите персональных данных можно на сайте ЗАО «Медианн – Решения» (www.mediann.ru).

Осуществить своими силами работы по технической защите информации в системах обработки персональных данных большинству социокультурных учреждений не под силу. В таких случаях полный комплекс мер по технической защите информационных систем, в которых обрабатываются персональные данные, может быть выполнен организациями, имеющими лицензии ФСТЭК и ФСБ на осуществление мероприятий по защите конфиденциальной информации.

Необходимо помнить, что ответственность за соблюдение законодательных норм возлагается на организации, обрабатывающие персональные данные. В случаях, когда возникают сомнения в том, какие меры предпринять, целесообразно обращаться за консультациями к лицензиатам ФСТЭК и ФСБ.

Проблемы конфиденциальности информационных запросов читателей-пользователей

Российский опыт сопряжения права и библиотечной деятельности в формате этой грани практически отсутствует. Во всяком случае широкого общественного резонанса и огласки он еще не получал. Что, впрочем, вовсе не означает, что этого не случится в будущем. Например, так, как это произошло в США после известной трагедии 11 сентября 2001 года.

Так называемый «Патриотический закон», принятый американским Конгрессом в качестве законодательной преграды террору, предоставил силовым ведомствам США ряд серьезных механизмов борьбы, в том числе весьма широкие возможности производить обыски в домах и квартирах, прослушивать телефонные разговоры и задерживать свидетелей.

Многие положения этого закона были восприняты американской общественностью весьма неоднозначно, но ни одно из них не вызвало таких бурных протестов, как то, которое позволило сотрудникам ФБР требовать от библиотекарей и книготорговцев информацию о том, что читают их клиенты, конфисковать картотеки, списки читателей, компьютеры и даже записные книжки.

В этом контексте оригинальная инициатива библиотеки маленького курортного города Санта-Крус, расположенного недалеко от Сан-Франциско, по реализации норм этого закона приобрела в США широкую известность и поддержку. Директор библиотеки Анн Тернер велела своим сотрудникам ежедневно после закрытия читальных залов уничтожать все читательские листки, регистрационные пометки и заметки, сделанные во время телефонных разговоров. «То, чего у нас нет, – говорит библиотекарь, – мы не можем предоставить в распоряжение властей». Подобные меры принимаются и в других американских библиотеках. Особенно возмущает работников библиотек тот факт, что информировать читателя о наблюдении за ним запрещается даже в том случае, если подозрения против него не подтвердились. Теоретически любой гражданин в США может находиться под систематическим наблюдением и ничего не знать об этом. «Полиция может конфисковать наши документы, а мы должны молчать», – жалуется директор публичной библиотеки Сан-Франциско Сьюзен Хилдрет.

Анн Тернер нашла возможность обойти запрет, предписывающий хранить молчание по отношению к читателям. Закон запрещает сообщать лишь о том, что за кем-то ведется слежка. В то же время, закон не запрещает публично сообщать о том, что спецслужбы пока не обращались в библиотеку за информацией. Поэтому Тернер каждую неделю письменно сообщает в совет городской общины о том, что к их библиотеке нормы «Патриотического закона» пока не применяются. Если в какую-то неделю такое сообщение не поступит, то весь город должен понять, что слежка за информационным меню читателей библиотеки началась.

Казалось бы, нам довольно трудно представить Америку как полицейское государство. Но предупредительные объявления, выставленные в библиотеке Санта-Крус, свидетельствуют об ином. Текст, написанный по-английски и по-испански, гласит: «Внимание! Библиотека Санта-Крус делает все возможное для охраны Ваших личных

данных, тем не менее, на основании «Патриотического закона» власти могут затребовать списки книг, которые Вы у нас брали. Закон запрещает сотрудникам библиотеки сообщать Вам о том, что была запрошена информация о Вас. С вопросами обращайтесь к министру юстиции США Джону Эшкрофту».

В мае 2003 года в отчете Конгрессу Министерство юстиции США сообщило, что следственные органы лишь в 50 случаях обращались в библиотеки, причем зачастую по просьбе самих библиотек. Американские правозащитники, однако, утверждают, что таких случаев было гораздо больше. Да и Министерство юстиции, между тем, признало, что многие случаи упомянуты не были, чтобы не мешать следствию. Для тех, кто критикует «Патриотический закон», объем слежки не важен. Свобода оказывается под угрозой не в тот момент, когда вооруженный сотрудник ФБР входит в библиотеку. Гораздо опаснее сам закон, позволяющий подобные визиты. Поэтому несколько парламентариев от обеих ведущих партий США представили в Вашингтоне на рассмотрение законопроект, направленный на восстановление прежних защитных механизмов для библиотек и читателей. Причем этот закон носит такое же патетическое название, как и «Патриотический закон»: а именно – закон «О защите свободы чтения»²⁹.

Проблемы ограничений доступа несовершеннолетних читателей-пользователей к порноконенту, а взрослых – к экстремистскому

Для первого аспекта указанной грани сопряжения права и библиотек определенный интерес представляет ситуация с судьбой Федерального закона США *Children's Internet Protection Act (CIPA)* – Акт о защите детей в Интернете³⁰. Этот закон был принят в декабре 2000 года, и одним из его существенных положений была норма, согласно которой американские публичные библиотеки должны были в обязательном порядке установить на компьютеры, расположенные в их читальных залах, специальные антипорнографические программы-фильтры. В качестве меры воздействия к нерадивым или незаконнослушным библиотекам предусматривалось лишение федерального финансирования.

У этого решения законодателей США сразу же нашлись серьезные противники, как среди библиотечного сообщества США, так и среди профессиональных правозащитников. Их аргументация сводилась к тому, что подобная норма закона нарушает свободу информации и, кроме того, приводит к блокированию важной информации, поскольку списки блокируемых сайтов отнюдь не совершенны, и в них нередко попадают ресурсы, не имеющие отношения к порнографии. Спорная норма закона, как это и положено, стала проходить горнило судебной проверки на свою конституционность.

В 2002 году суд штата Пенсильвания признал эту норму антиконституционной, поскольку она, с его точки зрения, по существу обязывала американские библиотеки нарушать первую поправку к Конституции США: фильтры блокировали слишком много нерелевантных веб-сайтов. Однако годом позже эту позицию Верховный суд США не разделил.

Состоявшееся по поводу норм этого закона судебное решение Верховного суда США от 23 июня 2003 года (*U.S. v. American Library Association, Inc., et. al.*) признало его в целом соответствующим Конституции, хотя и несколько изменив трактовку его правовых требований.

По мнению судей Верховного суда США, во-первых, необходимость защитить юных посетителей библиотек от нежелательного контента перевешивает проблемы библиотекарей, вынужденных по запросу взрослых читателей-пользователей отключать

фильтры вручную. Кроме того, поскольку указанные фильтры в ручном режиме отключить можно в любой момент, а отфильтрованные материалы разблокировать, то требование закона США об их установке не так уж обременительно.

Важна также позиция судей о том, что просящий об отключении фильтра взрослый читатель не обязан как себя идентифицировать, так и объяснять причины своего требования разблокировки.

Тем не менее, американское библиотечное сообщество, известное своим давним резко отрицательным отношением к цензуре и любому контролю над читательскими предпочтениями³¹ продолжает бороться за полную отмену норм США³².

Что же касается *проблемы ограничений доступа читателей-пользователей к экстремистскому контенту*, то для отечественного правового пространства весьма важным правовым актом в этом смысловом ряду является *Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»*³³.

Нормы этого закона закрепляют положение, согласно которому должно юридически преследоваться «массовое распространение экстремистских материалов, а равно их изготовление и хранение в целях массового распространения». В качестве экстремистских материалов закон однозначно квалифицирует только один тип изданий, а именно – труды руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии и фашистской партии Италии. Это позволяет с определенной степенью четкости сформировать круг изданий, которые запрещены нормой отечественного закона. Что же касается иных изданий, то они отдаются на откуп судебных решений. И отечественные суды к этой работе уже приступили, приняв по этому поводу довольно много решений³⁴.

Важно подчеркнуть, что по действующей норме закона экстремистской деятельностью является только *массовое* распространение этих материалов, а не *разовое*. Соответственно, юридические санкции предусмотрены (в Кодексе РФ об административных правонарушениях) именно за «массовое распространение». Другая важная категория закона – понятие «заведомо». Материал становится заведомо экстремистским по факту вступления в силу соответствующего судебного решения. Решение принимается по месту обнаружения материала и не всегда быстро становится известным. Поэтому и существует Федеральный список экстремистских материалов, регулярно публикуемый «Российской газетой». Местные суды присылают в Министерство юстиции свои решения, которые затем достаточно механически аккумулируются в общий список. Именно с того момента, как материал появился в списке, он становится «заведомо экстремистским».

Однако на практике при использовании этого списка возникает много проблем... Прежде всего, с его точностью. В трактовке известного правозащитника, директора Информационно-аналитического центра «Сова» Александра Верховского они состоят в следующем:

«Во-первых, в нем есть просто повторы – суды не всегда знают о решениях друг друга. И хорошо, если это какой-то номер журнала, который иногда по три раза признают экстремистским. Тут хотя бы номер конкретного журнала и понятно, о чем речь. Дважды была признана экстремистской книга под названием «Основы исламского вероучения» Более-менее очевидно, что книга с таким названием существует не одна. Одну и ту же в разных местах признали или это две разные книги, на самом деле неясно. Это вторая очень важная проблема: в судебных решениях и, соответственно, в этом списке книги не

персонифицированы должным образом. Судебные решения разные, часто это провинциальные суды нижнего уровня, и качество описания материалов соответствующее. Соответственно, такие названия как «Основы исламского вероучения», «Исламская вера» попадают в список без других атрибутов, и догадаться, что это такое, – невозможно»³⁵.

Кроме такого рода библиографических изъятий А. Верховский отмечает проблемы более принципиального свойства. В частности, такие: «Не очень понятно, что именно запрещается: запрещается ли книга как таковая, то есть текст, или конкретное издание. Иными словами, человек, распространяющий книгу без обложки или с другой обложкой, – он тот же материал распространяет? Запрещен ли он или нет? Это непонятно.

Что происходит дальше? Если материал включен в список, то прокурор направляет руководителю любой организации, в том числе и библиотеке, предостережение, что в этой организации могут находиться и распространяться экстремистские материалы. Это даже не значит, что прокурор знает о факте распространения или о том, что они там находятся. – это превентивная мера. Но если потом выяснится, что это действительно так и происходило, то есть предостережение не было принято к сведению, то руководитель организации может быть привлечен к ответственности по статье Кодекса об административных правонарушениях. *Я не думаю, что библиотека может быть ликвидирована вообще, но по этому закону, в принципе, организация может быть ликвидирована. Должностные лица – в первую очередь директор – несут персональную ответственность за распространение или хранение с целью массового распространения.* В принципе может быть поставлен вопрос об уголовной ответственности... Но я надеюсь, что до применения таких подходов к работникам библиотек дело не пойдет.

В законе нет никакого определения, что такое массовое распространение, и с какого момента распространение становится массовым. Можно предположить, что распространение для неограниченного круга лиц, наверное, является массовым, и, тем самым, выдача материалов в библиотеке – это и есть массовое распространение. То, что эта интерпретация верная, подтверждается тем фактом, что органы прокуратуры по всей стране так это и понимают, и в массовом порядке рассылают предостережения библиотекам. Мы, к сожалению, не знаем, сколько таких писем было разослано. Согласно отчету Генерального прокурора акты прокурорского реагирования исчисляются тысячами, но они, конечно, относятся не только к библиотекам»³⁶.

В жанре заключения

Затронутые в данной статье проблемные грани сопряжения права и библиотечной деятельности лишь часть существующих. Но и изложенного достаточно для того, чтобы сделать ряд выводов:

1. Все более влиятельным *архитектором* нашей новой политико-правовой повестки дня становится требование информационной открытости функционирования органов публичной власти и свободного доступа к общественно и личностно значимой информации и знаниям. Формирование такого рода социально-политического и информационно-правового императива настоятельно требует дальнейшего совершенствования отечественного информационного законодательства, разработки концептуальных положений по его назревающей кодификации в формате Информационного кодекса Российской Федерации.

2. Сохранение и развитие, в том числе с помощью права и этики, роли таких публичных центров доступа к информации и знаниям, такой важнейшей составляющей национального достояния России, ее социального капитала, какими являются отечественные библиотеки, приобретает качество одной из базовых задач при реализации утвержденной Президентом России в феврале 2008 года Стратегии развития информационного общества.

3. Право и этика призваны обеспечивать эти социально важные процессы необходимым набором адекватных современным информационно-коммуникационным реалиям средств регулирования.

4. Отечественные библиотеки, прежде всего публичные, призваны быть активными проводниками политики информационной открытости и доступа к информации и знаниям.

5. Оптимальное и действенное разрешение как затронутых в данной статье, так и многих других проблем, выявляющихся в плоскости позиционного конфликта развития отечественного библиотечного дела и накладываемых на это развитие ограничений, связанных с современным форматом правовых и иных регуляций библиотечной деятельности, заслуживает статуса не просто государственной, а *Национальной программы развития библиотечного дела в России* как существенной части стратегической задачи по достойному вхождению России в глобальное информационное общество.

6. Хорошей стартовой организационно-правовой платформой для такого рода Национальной программы могла бы послужить уже подготовленная Минкультуры РФ *Концепция развития библиотечного дела до 2015 года*. Как представляется, стоит обдумать возможность ее перезагрузки, итогом которой стала бы не ведомственная концепция, а проект *Национальной программы развития библиотечного дела в Российской Федерации* с временным горизонтом развертывания уже не до 2015 года, а до 2020 года.

7. В ходе разработки и обсуждения этой программы остро необходимо объединение усилий государства (прежде всего тех его структур, что отвечают за формирование информационной политики страны – Минэкономразвития России, Мининформсвязи России, Минкультуры России, Минобрнауки России, Спецсвязи ФСО России и других заинтересованных органов и организаций), общества, науки и бизнеса.

8. Одним из возможных субъектов такого рода объединения и координации мог бы выступить учрежденный в 2006 году *Общественный комитет содействия развитию библиотек России*.

Примечания:

1. URL <http://www.specletter.com/osoboe-pismo/2008-09-09/pismo-rossiiskih-pisatelei-dmitriju-medvedev.html>
2. Писателям обчистят карманы // Московский комсомолец : [сайт]. URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/09/09/24019-pisatelyam-obchistyat-karmanyi.html>; Российским библиотекам разрешат пиратствовать? : [сайт]. URL: <http://webplanet.ru/news/law/2008/07/02/popravki.html>
3. Мигунов Д., Крючков М. Тайна на продажу // Новые Известия. 2006. 19 декабря

4. Дорохов Р., Никольский А., Белоус Ю. Паспортом по лицу. Персональные данные москвичей поступили в свободную продажу // Ведомости. 2006. 27 февраля.
5. Федеральный закон РФ от 27 октября 2008 года № 183-ФЗ «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О библиотечном деле», Российская газета. 2009. 29 октября.
6. Горный Е., Вигурский К. Развитие электронных библиотек мировой и российский опыт, проблемы, перспективы // Интернет и российское общество / под редакцией И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002, 279 с.
7. В IV части ГК РФ это правомочие автора на использование своего произведения под названием «доведение до всеобщего сведения» закреплено в п. 11 ст. 1270 в следующей редакции «доведение произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору».
8. Подробнее о сути такого рода адаптации применительно к деятельности библиотек см.: Фирсов В.Р. Работа библиотек в условиях современного авторского права: российская и международная практика, рекомендации. СПб, РНБ, 2009, 112 с.
9. См.: Dan L. Bagatell. A Summary of the New Digital Millennium Copyright Act // Brown & Vain: [сайт]. URL: <http://brownbain.com>
10. См. об этом: Коляда С. Adobe зависла в американском суде // Коммерсант. 2002. 19 декабря
11. Подробнее об этом см. Битва электронных библиотекарей // Коммерсантъ. Власть. 2006. 24 июля (№29) : [сайт]. URL: <http://lenta.ru/articles/2004/04/07/libru/index.htm>; URL: <http://webplanet.ru/news/column/protasov/2006/8/2/ideology.html>
12. См. об этом: Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань : тип. Имп. ун-та, 1891. С.28
13. В соответствии с этой Стратегией Россия должна стать в 2020 году пятой в мире экономикой с 30 тыс. долларов ВВП на душу населения (достигнутый уровень 2007 года – 13 900 долларов).
14. Подробнее см.: Формирование информационного общества в XXI веке / Рос. комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». СПб.: РНБ, 2006. 640 с.
15. См. Бельченко В. Здравствуй, бартер // Огонек 2008 № 51 С. 17–19
16. Новости Российского комитета ИФЛА. 2006. №3 (60). С.6
17. См.. Фирсов В. Р. Указ. соч. С. 99–109
18. Рустад К. Наше цифровое наследие как источник информации для пользователей сбор сетевых публикаций и организация доступа к ним в Национальной библиотеке Норвегии // Новости Российского комитета ИФЛА. 2006. №1 (58) С. 34–38
19. Larsen S. Preserving the digital heritage: new legal deposit act in Denmark // Alexandria. 2005. Vol. 17, №2. P. 81–87
20. Urs S. Copyright, academic research and libraries: balancing the right of stakeholders in the digital age // Program: electronic library and information systems. 2004. Vol. 38, №3. P. 201–207
21. См. об этом: Юшкявичюс Г.З. Потенциал нации сквозь увеличительное стекло [интервью с советником ЮНЕСКО Г.З. Юшкявичюсом / взяла С.Л. Уралова] // Техника кино и телевидения 2004 №1 С. 3–4
22. Там же. С. 4.

23. Бачило И.Л., Лопатин В. Н., Федотов М.А. Информационное право: учебник / под общей ред. Б.И. Топорнина. Спб.: Юридический центр Пресс, 2001. 789 с.
24. См.: Федотов М. А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень по авторскому праву. 1999. Т XXXII, № 1. С. 21–30.
25. См.: Войниканис Е.А., Якушев М.В. Информация. Собственность. Интернет. Традиция и новеллы в современном праве. М. WoltersKluwer, 2004. 176 с.
26. Briggs W. The Law of International Copyright. London, 1906. P. 162
27. См.: Тюрина И. Великое пророчество: Философская концепция Маршала Маклюэна // Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Фонд «Мир» : Академический Проект, 2005. С.5–18
28. См. об этом: Стасюлевич О., Куделя М. Закон о персональных данных: знать, чтобы соблюдать // Библиотека. 2009. №1. С. 9–15
29. См. об этом: URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,899866,00.html>
30. См.: URL: <http://www.fcc.gov/cgb/consumerfacts/cipa.html>
31. См. об этом: Censorship and intellectual freedom // ALA encyclopedia of library and information services. 2nd ed. Chicago, London : ALA, 1986. P. 173–177.
32. ALA files Supreme Court brief in CIPA case // American Libraries. 2003. March. P 10. Перечень судебных решений против цензуры в Сети по искам библиотек и библиотечных ассоциации: [сайт]: URL : <http://www.ala.org/ala/online/currentnews/newsarchive/2003/february2003/alafillelessupreme.cfm>
33. См.: Собрание законодательства РФ, 2002, № 30, ст. 3031; 2006, № 31, ст. 3447, 3452; 2007, № 21, ст. 2457, № 31, ст. 4008. О проблемных аспектах практики его реализации см.: Монахов В. Н. Освещение конфликтов: ограничения и ответственность // Пределы правового пространства свободы прессы. М.: ЮРИКС : РИО «Новая юстиция», 2008. С. 139–142
34. Стартовый Федеральный список экстремистских материалов (по состоянию на 9 июля 2007 года) см.: Российская газета. 2007. 14 июля. Последний список, по состоянию на 26 марта 2009 года, см.: Российская газета. 2009. 8 апреля.
35. См. об этом: URL: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/CA4B75F>
36. Там же